стоинства. Он хочет, чтобы потомство назвало его правдивым, чтоб на его сказание о короле смотрело как на историю; но он не защищал своей чести тем, будто искусство стихотворное требует, „чтоб между правдою было нечто и притворно“.

«Такое понятие об искусстве доводило многих наших стихотворцев последующего времени до самой нахальной лести, от которой они нисколько не краснели, прикрываясь требованиями искусства: „как же, не похлебствовав, составить речь красну“. Развитию такого искусства способствовала та среда, которая исторически выработала похлебство, и в этом случае ода или речь Кантемира, как она ни слаба художественно, имеет для нас свое историческое значение: ее только и мог написать человек, воспитавшийся в этой среде — в ней есть своего рода оригинальность» (т. I, стр. LXXV).

Приведенная цитата свидетельствует о том, что подлинный смысл «Речи», цель, которую преследовал Кантемир, создавая ее, не были поняты Стоюниным. По мнению исследователя, «оригинальность» кантемировской «Речи» будто бы заключается в неумеренной лести, расточаемой автором по адресу Анны Иоанновны, в его откровенном сервилизме. Но панегирические элементы, как было выяснено выше, составляют как раз наиболее традиционную сторону этого произведения и по сути дела являются побочным следствием авторского замысла.

Подлинное своеобразие и самостоятельность «Речи» Кантемира заключаются в стремлении автора защитить свое право на сатирическое творчество, право поэта служить «согражданам своим» иным способом, чем это предписывалось официальным пониманием поэзии в то время. Поэтому нельзя упрекать Кантемира в неблагородстве его нравственной позиции как писателя. Принимая неизбежные тактические уступки за существо авторского замысла, исследователь приписал Кантемиру без всякого на то основания совершенно чуждые ему творческие принципы.

Характеризуя Буало, Стоюнин указывает на то, что французский поэт «не защищал своей лести тем, будто искусство стихотворное требует, „чтоб между правдою было нечто и притворно“». Цитируемые здесь Стоюниным слова взяты из «Речи» к Анне Иоанновне, и все его рассуждение построено на противопоставлении Буало Кантемиру; получается так, что приведенные слова представляют как бы основное творческое правило русского поэта. В таком понимании укрепляет и следующая фраза Стоюнина о том, будто многие русские стихотворцы последующего времени прикрывали свою «нахальную лесть» «требованиями искусства: „Как же, не похлебствовав, составить речь красну“». И здесь цитата из «Речи» преподносится Стоюниным как принцип самого Кантемира. Но ведь цитируемые Стоюниным строки